

Власть прошлаго ¹⁾.

Если въ воспоминаніяхъ о сыбѣ у Натальи Николаевны не примѣшивалось капли горечи, то совсѣмъ иначе обстояло дѣло, когда мысли ея обращались къ мужу.

Въ этомъ отношеніи драма ея жизни была сложнѣе.

Случилось все такъ просто, такъ обыкновенно, такъ горько и такъ обидно. Андрей Александровичъ искренно любилъ Наташу, когда женился на ней, или по крайней мѣрѣ думалъ такъ. Но вотъ, когда прошла первая влюбленность, когда страсть улеглась и когда на ея мѣсто должна была придти спокойная привязанность, то—она не пришла. Наташа во многомъ винить себя. Послѣ рожденья Коли она такъ вся отдалась заботамъ о ребенкѣ, что на долю Андрея Александровича осталось очень мало. Она продолжала горячо любить мужа; но ей казалось лишнимъ, ненужнымъ заботиться о томъ, чтобы онъ постоянно зналъ и помнилъ ея любовь. Ей казалось это такимъ естественнымъ, что онъ никогда, никогда не разлюбитъ ее, что если юношескій пылъ и охладѣлъ немного, то все-таки же *суть-то* останется и что до самой смерти котораго-нибудь изъ нихъ любовь эта не измѣнится.

По смерти Митюши ея здоровье пошатнулось; горе наложило свою тяжелую печать. Ей многое стало въ тягость и, если тѣло ея отказывалось и не переносило иногда ласкъ, то тѣмъ болѣе требовала ихъ ея больная душа. Но Андрей Александровичъ души-то не примѣтилъ.

Самъ жизнерадостный и веселый, онъ не могъ жить безъ общества; сначала онъ уговаривалъ Наташу выѣзжать съ

¹⁾ См. „Рус. Стар.“, 1915 года.

нимъ, увѣрялъ ее, что нигде безъ нея не поѣдетъ, что будетъ также сидѣть дома. Но, конечно, это ему скоро наскучило, онъ сталъ хандрить, и тогда Наташа сама упрашивала его ѣхать куда-нибудь на вечеръ или идти къ сослуживцамъ играть въ карты. И Андрей Александровичъ чистосердечно обрадовался данной ему свободѣ; рѣдкій вечеръ проводилъ онъ дома; возвращался часа въ три ночи и, не будя Наташу, заваливался спать. Прежде она обыкновенно на другой день расспрашивала его, гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ; но однажды случилось такъ, что онъ не сказалъ ей правды, о чемъ она и узнала потомъ стороною. Ей показалось это такъ обидно, такъ оскорбительно, что съ тѣхъ поръ она больше никогда и не спрашивала его. Она почему-то была твердо увѣрена, что онъ ей не измѣнитъ, но оскорбилъ онъ ее этимъ жестоко.

— Конечно, я виновата во всемъ, одна я, думала она; я со-всѣмъ бросила его, такъ нельзя; ему скучно одному; не можетъ же онъ сидѣть дома, какъ я. Завтра непременно поѣду съ нимъ къ Х...; непременно ѣдемъ вмѣстѣ!

Но на другой день Колѣ нездоровилось, у него было 38° жара, и благія намѣренія такъ и оставались намѣреніями.

Воспитанная сама въ строгихъ правилахъ, она даже не допускала и мысли о супружеской невѣрности; ей только вскорѣ пришлось убѣдиться, что ея воззрѣніе на супружескую жизнь совершенно допотопны и что тѣ идеальныя любовь и вѣрность, о которыхъ она дерзала мечтать, едва-ли существуютъ на свѣтѣ.

Андрей Александровичъ имѣлъ всегда успѣхъ у женщинъ. Любезный, предупредительный, всегда веселый, находчивый, онъ безусловно правился, и дамы искали его общества. Но Наташу этотъ успѣхъ оскорблялъ и раздражалъ. Было ли виновато въ томъ ея нервное и болѣзненное состояніе—не извѣстно; но невольное чувство досады и горечи поднималось въ ней.

Она чуяла и сердцемъ и душою, что Андрей Александровичъ нравственно „уходитъ“ отъ нея. Она даже затруднилась бы сказать, если ее спросили, на чемъ она это основываетъ. Вѣдь не эти же временныя и случайныя вспышки были горемъ для нея. Вѣдь на самомъ же дѣлѣ не имѣетъ она права ревновать его къ г-жѣ Д., потому что за обѣдомъ у Главнокомандующаго онъ сидѣлъ рядомъ съ нею, или къ г-жѣ К., потому что онъ такъ предупредительно подалъ ей ея вѣеръ... Нѣтъ, конечно,

нѣтъ! Но что-то растеть между ними, что-то раздѣляетъ ихъ. Какъ она страдала! Какъ ей было это больно! Она старалась найти вину въ себѣ и—не находила.

Единственное, въ чемъ она упрекала себя—это въ томъ, что она слишкомъ много удѣляла сыну и заботъ, и времени. Ей даже пришло въ голову, что мужъ ревнуетъ ее къ нему. Она обрадовалась этой мысли и начала слѣдить за нимъ.

— „Милый, глупый! Какъ ему не стыдно! Ну хорошо, хорошо! И тебѣ удѣлю, и на твою долю у меня хватить! Не много только нужно прослѣдить за собою“.

И она чувствовала такіе приливы нѣжности, такіе порывы любви; ей казалось, что въ ея сердцѣ такой неисчерпаемый кладезь могучаго чувства привязанности къ этимъ двумъ существамъ, въ которыхъ сосредоточился для нея весь міръ, что источникъ этотъ никогда не изсякнетъ и хватить въ немъ любви и на мужа, и на сына. Но она горько ошиблась. Андрей Александровичъ и не воображалъ ревновать ее къ сыну. Во-первыхъ, онъ и самъ по-своему любилъ его, а потомъ онъ былъ очень доволенъ, что Наташа, занятая сыномъ, не предъявляетъ къ нему никакихъ требованій. Она была очень удобная жена; ни удовольствій, ни туалетовъ, даже предметовъ первой необходимости—она ничего не требовала и безъ всего умѣла и могла обойтись. Ей такъ часто приходилось просить для сына, что для себя она уже не смѣла.

А жизнь ихъ дѣлалась все хуже и хуже. Нужда смотрѣла въ глаза. У Андрея Александровича появились долги, которые влекли за собою массу непріятностей. Одинъ годъ выдался какъ-то особенно тяжелымъ. Мебель описали; рояль, ея дорогой Бехштейнъ былъ заложенъ и пропалъ въ закладѣ. Обидное горе, жгучій стыдъ—все перенесла она. Ей пришлось наконецъ искать помощи у сестеръ. Сестры помогли; заплатили кой-какіе долги и сдѣлали ей шубу, безъ которой она мерзла и простужалась вотъ уже нѣсколько лѣтъ.

И все-таки же среди всѣхъ этихъ лишеній и потерь—самымъ тяжелымъ для нея было—потеря любви мужа. Своей больной, истерзанной душой она чутко слышала тѣ недовольство и досаду въ его голосѣ, когда ей приходилось просить у него денегъ.

— Господи! Ну какъ мнѣ сдѣлаться, думалось ей, вѣдь онъ меня совсѣмъ возненавидитъ за это! Въ минуты великой скорби, когда ей казалось, что мужество измѣняетъ ей, она думала, что если бы Андрей по-прежнему любилъ ее, то насколько-бы

легче ей было переносить всё эти лишения и невзгоды. Слова ласки и любви! Какъ много они могутъ придать силы и терпѣнія!—Ей предложили уроки музыки. Она съ радостью ухватилась за это и была счастлива и довольна имѣть въ своемъ полномъ распоряженіи двадцать—тридцать рублей. Но ей было почти уже 40 лѣтъ; силъ и энергій было немного. Уроки ея были неплодотворны, и ей вскорѣ отказали. И жизнь, полная лишений, трудовъ и горечи, потекла своимъ чередомъ.—Ей какъ-то попался въ руки дневникъ, который она вела первые годы замужества; она стала его перелистывать; взглядъ ея упалъ на одну изъ страницъ, и она прочла слѣдующую фразу: „О мой Андрюша! Какой любовью полно мое сердце къ тебѣ! Какъ мнѣ благодарить тебя за то счастье, которое ты мнѣ даешь! Я не стою его. Не разлюби меня только, мой дорогой, мой желанный!..“

Прочитавъ эти слова, она остановилась, тоскливо взглянула куда-то въ пространство, и губы ея прошептали: „Боже мой! А теперь! Гдѣ все это?“ И горькія, горькія слезы потекли по ея исхудалымъ и поблѣднѣвшимъ щекамъ.

Съ семьей мужа у нея тоже были нелады. Младшій изъ братьевъ Андрея Александровича—Дмитрій, одинъ изъ всѣхъ не пошелъ по военной службѣ; у него былъ замѣчательный талантъ къ живописи; еще будучи ребенкомъ, онъ удивлялъ всѣхъ своими способностями; впоследствии онъ поступилъ въ Академію Художествъ и былъ посланъ за границу на казенный счетъ. Вернувшись на родину, онъ началъ выставять свои картины и сразу приобрѣлъ извѣстность, хотя въ его твореніяхъ уже начинала проявляться знаменитая декадентщина. Женился онъ на очень милой, умной и скромной дѣвушкѣ, боготворившей его. Проживши съ ней лѣтъ семь и имѣя уже трехъ дѣтей, онъ увлекся какой-то натурщицей іудейскаго происхожденія, довольно красивой, но и довольно наглой дѣвицей и, не долго думая, бросилъ и жену, и трехъ малютокъ на произволь судьбы. Наташа была очень дружна съ бѣдной Соней и конечно возмутилась поведеніемъ Дмитрія. Но не такъ-то взглянули старики Скарятинны и нѣкоторые члены семьи. Они нашли этотъ возмутительный фактъ совершенно нормальнымъ, и, вполне игнорируя Соню съ дѣтьми, они приняли эту особу и выказывали ей свое благоволеніе и любовь. Дмитрій—геніальный человекъ, и потому ему все дозволено. Искусство на первомъ планѣ. Для

него нужно жертвовать всѣмъ. Эта голая развратная натурщица возбуждаетъ въ немъ творчество; благодаря ей онъ даетъ міру свои шедевры, а бѣдная, скромная Соня только мѣшала ему развиваться; онъ погрязъ бы въ семейной жизни и міръ потерялъ бы великаго артиста.

Вмѣсто того, чтобы возстать противъ такого разврата и заклеить его своимъ патриархальнымъ veto—семья Скарятиныхъ нашла, что все это естественно и что Сонѣ даже особенно и обижаться не приходится на своего гениальнаго мужа. Они даже торжественно обѣщали Сонѣ любить и цѣнить ее по-прежнему, какъ будто ихъ любовь могла ей замѣнить любовь Дмитрія. Но бѣдная Соня сама хотѣла и жить, и любить. Эти сладкія обѣщанія не очень-то утѣшали ее; требуемаго отъ нея развода—она не давала и тѣмъ только возстановила всѣхъ противъ себя. Наперекоръ всѣмъ Наташа взяла сторону Сони, открыто возмущалась поведеніемъ Дмитрія и дерзко высказывала свое мнѣніе, что такой развратъ недопустимъ въ честной семьѣ. Чтобы не встрѣчаться съ Дмитріемъ и его любовницей, она даже перестала бывать у родныхъ мужа, сказавъ имъ откровенно:

— „Если вы сегодня принимаете у себя любовницу Дмитрія, то почему бы вамъ завтра не принять любовницу Андрея! Вы своимъ поведеніемъ оскорбляете насъ, законныхъ женъ вашихъ сыновей, а потому я нахожу, что мнѣ лучше не бывать у васъ!“

Грустно Наташѣ! Судьба все время разбиваетъ всѣ ея иллюзіи; разочарованіе караулитъ ее вездѣ. Все время она сталкивается съ голой неприкрашенной дѣйствительностью, и еще лишній разъ приходится ей убѣждаться, что всѣ ея требованія отъ жизни—несообразныя, несбыточныя мечты, красивыя, неосуществимыя грезы!

И все-таки же все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что Наташа переживала въ своей собственной семьѣ. Всѣ эти невзгоды, всѣ эти возмутительныя событія—они должны только извнѣ касаться ея. Ея миръ—это ея семья. Мужъ, сынъ и она! Что имъ до свѣта, до окружающихъ! Ихъ миръ не долженъ быть потревоженъ этими.

Она и эти два существа, ради которыхъ она живетъ! Которыя, составляютъ всю цѣль, весь интересъ ея жизни! Могучій факторъ, который окрыляетъ ее, заставляетъ ее трудиться, переносить невзгоды, быть бодрой, сильной, не падать духомъ!

И вотъ она чувствуетъ, что уже миръ нарушенъ. Андрей Александровичъ и она не составляютъ уже того цѣлаго, чѣмъ были они прежде. Гдѣ искать причинъ этого разлада? Гдѣ онѣ? Она готова взглянуть имъ прямо въ глаза. Пускай ихъ назовутъ.

Она будетъ бороться за свое счастье, за свою любовь. Но все молчитъ вокругъ нея. Отвѣта нѣтъ.

Бѣдная, жалкая Наташа! Ты думала, мечтала, надѣялась, что твой жизненный путь будетъ почему-то исключеніемъ. Но въ жизни, какъ и въ природѣ, исключенія рѣдки, и нужно довольствоваться тѣмъ сѣрымъ будничнымъ существованіемъ, которымъ надѣляетъ смертныхъ судьба.

Испытавъ и потерпѣвъ полное разочарованіе въ своей любви къ мужу,—Наташа вся отдалась сыну; болѣе чѣмъ когда-либо онъ требовалъ ея заботъ. Отъ сильнаго ли роста, отъ другихъ ли физиологическихъ причинъ, но Коля страшно худѣлъ и имѣлъ истощенный видъ. Несомнѣнно, мальчикъ былъ нервный, впечатлительный, много читалъ, много думалъ, и все это отражалось на его здоровьѣ.

Наташа дрожала за него. Съ какимъ вниманіемъ, съ какой жадностью слѣдила она за его развитіемъ. И за нравственнымъ, и за физическимъ. Съ какимъ страхомъ замѣчала она въ немъ уклоненіе отъ нормальной жизни. Его задумчивость, его недоуманіе! Были такіе жизненные вопросы, которые она не могла съ нимъ трактовать. Въ такихъ случаяхъ она бросалась къ Андрею Александровичу.

— Андрей, ради Бога, поговори съ Колей, расспроси его, что съ нимъ?

Отвѣтъ былъ всегда одинъ:

— Ну, что ты волнуешься и изъ мухи дѣлаешь слона! Съ нами никто не говорилъ объ этихъ вещахъ—слава Богу, выросли, людьми етали. Ну и онъ также.

— Ну, успокойся, уговаривалъ онъ жену, видя, какъ она разстроена, какъ-нибудь мы съ нимъ потолкуемъ.

И онъ спѣшилъ на карточный вечеръ.

— Какъ-нибудь!.. Господи! Сейчасъ, сію минуту нужно! Какъ онъ его мало любитъ! Ну, о себѣ я не говорю. А его, его... наше сокровище... И такъ мало вниманія удѣлять ему!

И Наташа вздыхала, плакала и молилась.

Но вотъ и корпусъ оконченъ—это эпоха въ жизни маль-

чика. Сознаніе, что онъ что-то такое совершилъ, исполнилъ свой небольшой долгъ.

Сколько волненій, страху, сколько бессонныхъ ночей! Она рада, что хоть немного можетъ помочь ему; а иногда одно ея присутствіе бодритъ и успокаиваетъ его. И уже, конечно, она бросаетъ все и идетъ къ нему, въ его комнату; садится въ кресло рядомъ съ нимъ. Онъ зубритъ, зубритъ безъ конца, а она съ болью въ душѣ, глядя на его изнуренное лицо, то ласковымъ словомъ, то поцѣлуемъ подбадриваетъ его.

„Ура, мы больше не кадеты!“

„Мы юнкера, мы юнкера!..“

Изящныя строфы „Звѣриады“ разносятся по всей квартирѣ. Коля и нѣсколько его товарищей ходятъ чуть не на головахъ. Для нихъ въ квартирѣ Скарятиныхъ устроенъ обѣдъ и скромная выпивка, но и ея достаточно для слабыхъ юношескихъ головъ. Они уже не помнятъ себя; кричатъ, галдятъ, говорятъ тосты, спичи; однимъ словомъ, чувствуютъ себя взрослыми. Коля досталъ у матери бутылку какого-то ликера, и этотъ ликеръ пополамъ съ кофеемъ совсѣмъ сбиваетъ съ ногъ нашихъ молодцевъ; къ девяти часамъ вечера они всѣ дремлютъ, кто на диванѣ, кто въ креслахъ; а Коля лежитъ поперекъ маминой постели.

На другой день идетъ уборка комнатъ, книгъ. Коля съ ожесточеніемъ очищаетъ свой столъ отъ „ненужнаго хлама“, то-есть отъ всевозможныхъ учебниковъ.

Прощай, дѣтство! Оно стало прошлымъ. Наташа съ любовью и восторгомъ глядитъ на своего сына; и къ ея радости примѣшивается тихая грусть...

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. С.

